

## Диалог «Пекин — Дели»: внутренние императивы и внешние факторы

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011448-3

**Уянаев Сергей Владимирович**

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора ИДВ РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com.

*Аннотация:*

В статье рассматривается современное состояние китайско-индийских взаимоотношений. Анализ ведется путем сопоставления в них позитивной и негативной тенденций, отражающих как весомые достижения, так и многие нерешенные проблемы. Автор исследует две структурные сферы китайско-индийских связей: двустороннюю повестку и отношения, складывающиеся под влиянием ряда международных факторов. На фоне обострения в 2020 г. двусторонней пограничной проблемы в статье сформулированы некоторые сценарные прогнозы.

*Ключевые слова:*

Китай, Индия, юбилей, достижения, проблемы, граница, «фактор США», взаимодоверие, конкуренция, формат РИК.

*Для цитирования:*

Уянаев С.В. Диалог «Пекин — Дели»: внутренние императивы и внешние факторы // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 24–41. DOI: 10.31857/S013128120011448-3.

## Beijing-Delhi Dialogue: Internal Imperatives and External Factors

**Sergey Uyanaev**

Ph.D. in History, leading researcher, deputy director of the IFES RAS.  
E-mail: svuyav@yahoo.com.

*Abstract:*

The article examines the current state of Sino-Indian relations. The analysis is based on a comparison of positive and negative trends, reflecting significant achievements on the one hand, and a number of unresolved issues on the other. From this point of view the author examines two structural areas of Sino-Indian relations - the issues directly connected to the bilateral agenda, as well as the sphere of the relations that is formed under the influence of international factors. Against the background of the aggravation of the 2020 bilateral border problem some scenario forecasts have been formulated.

*Key words:*

China, India, anniversary, achievements, problems, border, "US factor", mutual trust, competition, RIC format.

*For citation:*

Uyanaev. S.V. Beijing-Delhi Dialogue: Internal Imperatives and External Factors // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 24–41. DOI: 10.31857/S013128120011448-3.

В 2020 году исполнилось 70 лет со времени установления дипломатических отношений между КНР и Республикой Индия<sup>1</sup>. Продолжая измеряемую двумя тысячелетиями традицию взаимодействия между двумя народами, двумя самобытными цивилизациями, «связи через Гималаи» в календарную середину прошлого века вступили в новый, современный этап.

### **Двусторонняя повестка: достижения и проблемы**

В истекшие десятилетия диалог двух стран складывался неоднозначно. 1950-е годы были в основном временем тесной дружбы и оптимистичных надежд. Но этот период сменился открытым противостоянием, в том числе пограничной войной 1962 г., результатом которой стали многие сотни жертв с обеих сторон. За этим последовало без малого тридцатилетие, когда китайско-индийские связи практически носили символический характер. И только с конца 1980-х годов начался этап постепенного, все более динамичного их развития.

Последние тридцать лет — несомненно, время в целом восходящей тенденции в двусторонних отношениях. Только объем торговли двух стран вырос почти в 500 раз — до рекордных 95 млрд долл. в 2018 г. Межгосударственные связи приобрели выстроенный, многопрофильный характер, вобрав в свой механизм порядка 30 диалоговых дорожек.

Однако при всем этом современные отношения Пекина и Нью-Дели трудно оценить лишь как дорогу «на зеленый» свет». Наряду с очевидными позитивными накоплениями в диалоге присутствуют явные противоречия. Они имеют и историческое, и сравнительно недавнее происхождение.

Наглядным подтверждением двух этих встречных явлений послужили события юбилейного года. Столкнувшись, как и весь мир, с проблемами пандемии коронавируса, в Китае и Индии, тем не менее, не отменили программу из символических семи десятков юбилейных мероприятий. Но одновременно, как это с известной регулярностью происходит в современном китайско-индийском диалоге, вновь стали давать о себе знать проблемные вопросы, главный из которых, пожалуй, погранично-территориальный. С начала мая 2020 г. одновременно на нескольких участках китайско-индийской границы (Ладакх, Сикким) стало нарастать жесткое противостояние военных двух стран. В середине июня оно вылилось в масштабное, пусть и без применения огнестрельного оружия, столкновение в Ладакхе, которое повлекло впервые за последние 45 лет человеческие жертвы<sup>2</sup>. Причем и после этого обстановка здесь оставалась весьма беспокойной, порождая разные, в том числе неутешительные, прогнозы относительно будущего отношений двух стран.

В любом случае, несмотря на связанный с пограничным противостоянием серьезный «шаг назад», ясно, что и сегодня, и в обозримом будущем итог двустороннего диалога будет зависеть от соотношения двух сформировавшихся тенденций — позитивной и сдерживающей.

- 
1. Си Цзиньпин юй инду гоцзя чжуси Кэвеньдэ цзай чжунин няньцзяо 70 чжоунянь циндянь фабяо цзянхуа: [Си Цзиньпин и президент Индии Ковинда выступили на праздновании 70-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Индией]. 01.04.2020/ Вебсайт МИД КНР. URL: [https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt\\_674879/gjldrh\\_674881/default\\_9.shtml](https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrh_674881/default_9.shtml) (дата обращения: 30.07.2020).
  2. Face-off between India and China in Galwan valley: Here's what we know. June 17, 2020 / Website of Hindustan Times, New Delhi. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/face-off-between-india-and-china-in-galwan-valley-what-we-know-so-far/story-NNjwanbGiNiyAhQhnmj251.html> (date of access 18.06.2020).

Но обе они имеют и собственную внутреннюю структуру: и в том, и в другом случае на развитие китайско-индийских отношений влияют минимум две группы факторов. С одной стороны, это внутренние императивы — вопросы непосредственно двусторонних политических, экономических и иных отношений. С другой — речь идет о внешних факторах, которые проистекают из международных интересов каждой из стран, в том числе их взаимодействия с третьими игроками.

Переплетаясь, внутренние и внешние факторы ложатся на обе чаши весов в непростых китайско-индийских отношениях, которые в год своего 70-летия складывались еще и под влиянием вызовов коронавирусной пандемии. Какая чаша будет оставаться более весомой? Понятно, что вне зависимости от текущей конъюнктуры, ответ на этот непростой вопрос по-прежнему лежит в плоскости сопоставления двух встречных тенденций.

### Политический диалог

Под таким углом зрения особенно показательна картина нынешней двусторонней повестки. Прежде всего речь идет о межгосударственном политическом диалоге.

Налаживание такого диалога, в первую очередь, на высшем уровне — между премьер-министром Индии и руководящим тандемом в лице Председателя КНР и премьера китайского Госсовета — можно считать одним из важных проявлений позитивной тенденции, которое дало толчок всей системе китайско-индийских отношений. Не случайно отчет их современного этапа принято начинать именно с первого за предыдущие 34 года саммита, когда в 1988 г. с официальным визитом в Пекин прибыл Р. Ганди<sup>3</sup>.

Частота контактов на высшем уровне росла постепенно, обретая характер официальных визитов и встреч на полях международных форумов. Так, в период 2008–2013 гг. Председатель КНР и глава китайского правительства провели с индийским премьером не менее чем по 10 самостоятельных встреч. Особняком при этом стоят все же встречи между индийским премьером и первым лицом КНР. Именно на них формируются главные векторные координаты взаимодействия.

Нынешние лидеры КНР и Индии — Си Цзиньпин и Нарендра Моди, придя к власти в своих странах соответственно в 2013 и 2014 г., до лета 2020 г. провели 18 личных встреч. Была налажена своего рода устоявшаяся диалоговая логистика — официальные визиты плюс, как правило, регулярные переговоры на полях саммитов БРИКС, G 20 и ШОС.

В последние два года этот механизм пополнился новой формой — «неформальными» рабочими встречами поочередно в Китае и Индии, где, по мнению сторон, без фиксированной программы есть возможность «прямого, свободного и откровенного» обсуждения самых широких и актуальных вопросов. Неслучайно на первой такой встрече (КНР, Ухань, апрель 2018 г.) Председатель КНР выразил надежду, что этот переговорный формат «может открыть новую главу в китайско-индийских отношениях»<sup>4</sup>.

В контексте событий в Ладакхе весной-летом 2020 г. нельзя не обратить внимание, что встреча в Ухане проходила на фоне еще не стихших комментариев по поводу предыдущего аналогичного серьезного пограничного инцидента. Продолжавшееся 72 дня (к счастью, без жертв) противостояние военных двух стран летом 2017 г. в районе

3. Этапы развития двусторонних отношений в конце 20 — начале 21 века. Подр. см.: Уянаев С.В. Китай и Индия: отношения в начале нового столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 19–30.

4. Си Цзиньпин хуэйянь инду цзунли Моди: [Си Цзиньпин принял премьер-министра Индии Н. Моди]. 27.04.2018. / Веб-сайт МИД КНР. URL: [https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq\\_676201/gj\\_676203/yz\\_676205/1206\\_677220/xgxw\\_677226/t1555202.shtml](https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/xgxw_677226/t1555202.shtml) (дата обращения: 18.06.2020).

Дунла (Доклам) тогда также породило тревогу за конечное будущее двусторонних отношений<sup>5</sup>. Поэтому сам факт проведения такой встречи, после которой появился термин «позитивный дух Уханя», был признан весьма показательным, свидетельствующим об умении сторон выходить из кризисной ситуации<sup>6</sup>.

На втором таком же неформальном саммите в октябре 2019 г. в Ченнаи стороны подтвердили практически все названные направления взаимодействия. Но имелись и важные дополнения, касавшиеся, в частности, создания специальных межправительственных механизмов в целях сбалансированного развития торгового и инвестиционного сотрудничества и развития совместных производств, а также дальнейших шагов по взаимодействию в сферах безопасности, обороны, противодействия международному терроризму и культурно-гуманитарных обменов<sup>7</sup>. Си Цзиньпин предложил провести на следующий год в КНР третий неформальный саммит. Однако к лету 2020 г. стало ясно, что пандемия коронавируса и новое пограничное обострение способны внести в эти планы существенные коррективы.

Встречи высшего уровня дополняются регулярными и диверсифицированными контактами между министерствами иностранных дел двух стран (структуры «стратегического диалога», диалогов по границе, антитерроризму и т.п.), связями по линии правоохранительных, торгово-экономических, культурно-образовательных и других ведомств. Сотрудничают парламентарии, представители партийных и прочих государственных и общественных структур. Для позитивной стороны отношений весьма показательны связи по линии оборонных структур, включая обмены высокопоставленными делегациями, проводимые с 2007 г. совместные военные и антитеррористические маневры. В целом в рамках общего многопрофильного механизма сотрудничества ежегодно можно насчитать по несколько десятков мероприятий<sup>8</sup>.

Для большинства из них, прежде всего, встреч на высшем и высоком уровнях, не характерно прямое указание на *проблемные вопросы*. Однако их косвенная, «мягкая» констатация, приемлемая в предельно корректном формате встреч первых лиц, достаточно очевидна. С этой точки зрения такие упоминавшиеся в Ухане и Ченнаи обоюдные задачи, как «недопущение превращения расхождений в споры», «обеспечение мира и спокойствия на границе», достижение «сбалансированности торговли», борьба с терроризмом на «не дискриминационной» основе и необходимость учета «озабоченностей друг друга», — конечно же не случайны. Более того, имеются прецеденты, когда вследствие обострения противоречий (упомянутое противостояние на плато Доклам) под вопрос ставилась сама возможность проведения очередной встречи на высшем уровне.

Так произошло и в 2020 г., когда наряду с естественными ограничениями по причине пандемии коронавируса на контактах высокого уровня не могли не сказаться собы-

- 
5. Подр. см.: Уянаев С. 30 лет китайско-индийской нормализации: возврат «на перекресток» или верность сотрудничеству и добрососедству?// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 121–139.
  6. Чжунин линдао жэнь фэй чжэнши хуэйу дачэн гуанфань гунши: [На неформальной встрече руководителей Китая и Индии достигнут широкий консенсус]. 28.04.2018/ Веб-сайт МИД КНР. URL: [https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq\\_676201/gj\\_676203/yz\\_676205/1206\\_677220/xgxw\\_677226/t1555533.shtml](https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/xgxw_677226/t1555533.shtml) (дата обращения: 12.07.2020).
  7. Си Цзиньпин тун инду цзунли Моди цзай цзин най цзиской цзюйхан хуэйу: [Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Н.Моди продолжают свою встречу в Ченнаи]. 12.10.2019/ Вебсайт МИД КНР. URL: [https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq\\_676201/gj\\_676203/yz\\_676205/1206\\_677220/xgxw\\_677226/t1707413.shtml](https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/xgxw_677226/t1707413.shtml) (дата обращения: 12.07.2020).
  8. India-China Bilateral Relations./Website of Ministry of External Affairs (India). URL: [http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china\\_brief\\_sep\\_2019.pdf](http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf). (date of access 19.05.2020).

тия в Ладакхе, что, однако, вряд ли означало некую автоматическую девальвацию этого важного и фундаментального механизма.

### Погранично-территориальный вопрос

Наглядным примером существующих проблем служит не раз упомянутый погранично-территориальный вопрос. Между КНР и Республикой Индия отсутствует оформленная в правовом отношении граница. После войны 1962 г. роль границы «де-факто» (свыше 3,4 тыс. км) играет Линия фактического контроля (ЛФК). В западном секторе она разделяет Синьцзян-Уйгурский (СУАР) и Тибетский (ТАР) автономные районы КНР и индийскую союзную территорию (с 2019 г.) Ладакх; в центральном и восточном секторах служит рубежом между ТАР и четырьмя штатами Индии (соответственно Химачал-Прадеш и Уттаракханд; Сикким и Аруначал-Прадеш). Практически по всей ЛФК имеются спорные участки, что, по мнению ряда экспертов, делает затруднительным даже сам разговор о полной нормализации отношений<sup>9</sup>.

Формально трудно утверждать, что стороны «сидят сложа руки». Поэтому, несомненно, безусловным достижением являются такие шаги, как принятие еще в 1990-х годах важных документов по обеспечению мира и спокойствия на границе, создание и функционирование с начала 1980-х годов различных форматов межправительственных переговорных механизмов. Без малого два последних десятилетия главной переговорной площадкой служат встречи «высоких» спецпредставителей двух стран, которыми в настоящее время являются член Госсовета КНР, глава китайского МИД Ван И и советник индийского премьера по национальной безопасности А. Довал. (22-я встреча спецпредставителей прошла в декабре 2019 г.<sup>10</sup>).

Аналогичные диалоговые механизмы созданы по линии внешнеполитических ведомств (Рабочий механизм консультаций и координации по вопросам китайско-индийской границы, кратко WMCC), а также непосредственно между пограничными службами. В последнем случае поставлена прямая задача «не допускать усиления напряженности в спорных районах. В том числе, действует запрет на взаимное преследование патрулей на участках, где «нет согласованного представления о прохождении линии фактического контроля»<sup>11</sup>. Имеются и осязаемые практические результаты: после событий в октябре 1975 г. на перевале Талун Ла на границе, в том числе, в тревожных мае—июне 2020 г., не было ни единого выстрела<sup>12</sup>.

Однако в вопросе юридически обязывающего соглашения о границе переговоры явно топчутся на месте. А это никак не позволяет полностью купировать пограничные инциденты.

Предмет территориального спора — площадь, равная приблизительно «трем Швейцариям» (порядка 135 тыс. кв. км, главным образом в восточном и западном секторах ЛФК) — предопределен серьезными различиями в видении линии прохождения со-

9. См.: 2017: A Tough Year for China-India Relations/ The Diplomat, 01.01.2018.

URL: <https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations/> (date of access 11.05.2020).

10. Китай и Индия провели встречу спецпредставителей по пограничным вопросам. 23.12.2019/ Веб-сайт Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1223/c31520-9642801.html> (дата обращения: 29.04.2020).

11. Border Defence Cooperation Agreement between India and China. October 23, 2013 Beijing, China/ «Peacemaker» Website, UNO. URL: [https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CH-IN\\_131023\\_BorderDefenceCooperationAgreement.pdf](https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CH-IN_131023_BorderDefenceCooperationAgreement.pdf) (date of access 29.07.2020).

12. Forgotten in fog of war, the last firing on the India-China border/ The Hindu. June 14.2020. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/forgotten-in-fog-of-war-the-last-firing-on-the-india-china-border/article31827344.ece> (date of access 19.06.2020).

вместной границы, сложившейся во времена Британской Индии. И это десятилетиями отодвигает взаимоприемлемое решение вопроса. Несмотря на то, что удается избежать применения огнестрельного оружия, ситуация на спорных участках все же нередко (в 1986–1987, 2013, 2017 г.) балансирует «на грани фола». Об этом, как сказано выше, громко напомнили события, которые начались в первой декаде мая 2020 г. в районе озера Пангун Цо и долине Галван в Ладакхе, а также у перевала Нату Ла в восточном секторе ЛФК и в итоге стали самым масштабным пограничным инцидентом со времени крупного столкновения 1967 г. в Сиккиме. В майские столкновения, сопровождавшиеся физическим соприкосновением с применением палок, бит и камней, были вовлечены в каждом случае от 150 до 400 военнослужащих, десятки получили травмы<sup>13</sup>. Особо тревожными стали элементы явной общей эскалации, когда стороны приступили к стягиванию к границе дополнительных многотысячных контингентов. Вступив в контакт по линии разноразноуровневых пограничных механизмов, в начале июня стороны, казалось бы, приступили к разведению сил<sup>14</sup>. Тем более неожиданными оказались события 15 июня в долине Галван, когда, по информации индийской стороны, новое масштабное физическое столкновение повлекло гибель 20 индийских пограничников и свыше 40 китайских<sup>15</sup>. В Китае от информации о числе своих жертв предпочли воздержаться, мотивируя это «нежеланием давать почву для сравнений и провоцировать общества обеих стран на лишнее эмоциональное противостояние»<sup>16</sup>. Это были первые человеческие потери за последние 45 лет.

Анализировать конкретные причины обострения в Ладакхе весьма сложно. По версии китайской стороны, подразделения НОАК выступили вперед в ответ на дорожное строительство, развернутое Индией «на китайской стороне ЛФК»<sup>17</sup>. В свою очередь, согласно неофициальным оценкам индийских дипломатов, Индия «отвергла все китайские упреки, поскольку дорожное строительство ведется на индийской территории, которая ранее никогда не объявлялась Китаем спорной».

Так или иначе, 17 июня и 5 июля телефонные переговоры в попытках урегулирования провели Ван И и А. Довал<sup>18</sup>. Вскоре состоялась очередная встреча высших дипломатов в рамках механизма WMCC. 14 июля четвертый раз за последние два месяца встретились командующие пограничными силами. Приступив, согласно договоренностям, к «разведению и деэскалации», стороны к середине июля несколько продвинулись к восстановлению существовавшего на начало мая разграничительного статус-кво, в ча-

13. China SAYS situation at border with India 'stable and controllable'. June 02, 2020/ The Indian The Defense News Website/. URL: <http://www.indiandefensenews.in/2020/06/china-says-situation-at-border-with.html> (date of access 12.07.2020).

14. India-China meeting of Army Commanders on June 06, 2020/ Website of Ministry of External Affairs (India). URL: [https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32746/India-China\\_meeting\\_of\\_Army\\_Commanders\\_on\\_June\\_06\\_2020](https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32746/India-China_meeting_of_Army_Commanders_on_June_06_2020) (date of access 12.07.2020).

15. В столкновении на границе с Китаем пострадали 76 индийских военных // Российская газета. 19.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/19/v-stolknovenii-na-granice-s-kitaem-postradali-76-indijskih-voennyh.htm> (дата обращения: 20.06.2020).

16. Шэпин: Инду суй цзоучу дуй бянцизи цзюйшиды лянге у пань: [Редакционное обозрение: Индии следует исправить два неправильных суждения о пограничной ситуации]. 16.06.2020/ Веб-сайт издания Хуанцю шибао (КНР). URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/3ygDO8tnCOo> (дата обращения: 08.07.2020).

17. Шэпин: Инду суй цзоучу дуй бянцизи цзюйшиды лянге у пань: [Редакционное обозрение: Индии следует исправить два неправильных суждения о пограничной ситуации]. 16.06.2020/ Веб-сайт издания Хуанцю шибао (КНР). URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/3ygDO8tnCOo> (дата обращения: 08.07.2020).

18. Conversation between Special Representatives of India and China on recent developments on the India-China border areas. July 06, 2020/ Website of Ministry of External Affairs (India). URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32811> (date of access 12.07.2020).

стности в долине Галван<sup>19</sup>. Это создавало определенную (хотя и труднореализуемую) надежду на урегулирование по примеру противостояний прошлых лет.

Иными словами, несмотря на многолетние межправительственные переговоры и механизмы, погранично-территориальная проблема остается в двусторонних отношениях наиболее болезненной, чреватой, как показали последние события, рисками и для их общего качественного вектора.

## Торгово-экономические отношения

Заметная противоречивость сопровождает отношения двух стран в сфере торговли и инвестиций, других форм экономического сотрудничества.

С учетом высокой динамики последних десятилетий достижения в данной области более чем очевидны<sup>20</sup>. С 3 млрд долл. в 2000 г. до 92,8 млрд в 2019 г. возросла двусторонняя торговля товарами<sup>21</sup>. С 2008 по 2019 г. КНР прочно занимала место главного внешнеторгового партнера Индии. На долю Китая в 2014–2019 гг. приходилось от 13,5 до 16,4% всей индийской внешней торговли и в среднем свыше 15% ее импорта.

Место Индии в списке торговых партнеров КНР заметно скромнее. Но среди стран-импортеров китайской продукции Индия занимает довольно высокое 7–8 места, «принимая» порядка 3% общемирового объема китайского экспорта<sup>22</sup>. Индия импортирует из Китая главным образом продукцию машиностроения, другие товарные позиции с высокой добавленной стоимостью (до 80% всех поставок из КНР). Напротив, структура китайского импорта из Индии в основном сырьевая; на руды, каучук, минеральное топливо, хлопок и другие подобные товарные группы сегодня приходится, как правило, свыше половины индийских поставок.

В такой товарной структуре отчасти кроется, видимо, и главная из существующих ныне проблем китайско-индийской торговли — проблема серьезного индийского дефицита, которого у Индии нет ни с одной другой страной. Наметившись в начале нынешнего столетия, он нарастал поэтапно и достиг ныне весьма внушительных размеров. Если в 2010 г. экспорт в Индию превышал импорт из нее вдвое, то в 2014–2016 гг. уже примерно в 6 раз. Справедливости ради следует отметить, что ряд индийских экспертов указывают на слабую конкурентоспособность индийской обрабатывающей промышленности и усматривают возможности снижения дисбаланса не столько за счет сокращения импорта, сколько за счет роста поставок на китайский рынок. Определенные перемены происходят. По итогам 2018 — начала 2020 гг. индийская статистика показала, что превышение импорта над экспортом в торговле с КНР, оставшись высоким — четырехкратным, все же снизилось<sup>23</sup>.

19. India-China standoff | Army is working to restore status quo along LAC, says Northern Command chief. New-Delhi, July 25, 2020. / The Hindu Official Website. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-china-standoff-army-is-working-to-restore-status-quo-along-lac-says-northern-command-chief/article32192812.ece> (date of access 30.07.2020).

20. Подр. см. напр.: Уянаев С. Россия—Китай—Индия: в контурах многополярного миропорядка. М.: Форум, 2019. С. 50–56.

21. Торговля КНР в декабре и январе — декабре 2019 г. / Официальный сайт государственной таможни КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302277/302276/2851396/index.html> (дата обращения: 19.05.2020).

22. Top China Export to the World/ The World's Richest Countries» Website.

URL: [http://www.worldsrichestcountries.com/top\\_china\\_exports.html](http://www.worldsrichestcountries.com/top_china_exports.html) (date of access 12.07.2020).

23. Department of Commerce.Export Import Data Bank.Country — wise. Values in US\$ Million. Dated: 13/6/2020. / Ministry of Commerce and Industry Website. URL: <https://commerce-app.gov.in/eidb/iecnt.asp> (date of access 13.06.2020).

Отдельной проблемной зоной экономического взаимодействия является его *инвестиционная часть*. Одним из немногих позитивных моментов можно считать лишь определенную положительную динамику сотрудничества, начинавшегося 30 лет назад едва ли не с нуля. Однако достигнутые объемы, по общему признанию, значительно отстают от имеющегося потенциала. К началу 2018 г. объем накопленных прямых китайских инвестиций в Индии составлял более 4,75 млрд долл. (почти вдвое меньше объема инвестиций КНР в России). Накопленные индийские вложения в КНР, согласно тем же данным, не превышали 0,85 млрд долл., причем даже в этом небольшом объеме выделить прямые инвестиции в производство или сферу услуг достаточно непросто<sup>24</sup>.

Относительно инвестиций из КНР долгое время бытовало объяснение, что индийское руководство искусственно сдерживает китайские вложения в инфраструктуру и другие «стратегические» отрасли. В последние годы эта ситуация, похоже, лишь обрывает дополнительные элементы. В конце мая 2020 г. в китайском офисе Gopal Times говорилось о претензиях китайской стороны по поводу индийских «дискриминационных практик» в отношении уже не только прямых, но и портфельных инвестиций из КНР<sup>25</sup>. А месяцем ранее это же издание выразило недовольство случаями попыток Индии «переманивать» на ее территорию «бизнесы, перемещающиеся из КНР», тем самым упрекая ее в желании «спекулятивно захватывать некоторые элементы промышленной цепочки у Китая» и вытеснять его с тех или иных рынков сбыта<sup>26</sup>.

Похоже, что проблемная часть двусторонней торгово-экономической повестки, по меньшей мере в краткосрочной перспективе, способна лишь усилиться. На фоне обострения пограничного вопроса летом 2020 г. в Индии стали настойчиво звучать призывы к бойкоту китайской продукции. Правительство объявило об отказе от покупки крупных партий китайского электрооборудования, о запрете 59 китайских мобильных приложений и отстранении компании Huawei от участия в создании сетей 5G. Пекин заявил в ответ, что «примет необходимые меры для защиты законных интересов своих компаний»<sup>27</sup>. Впрочем, нельзя исключать, что в случае смягчения «пограничной темы», эти решения могут быть пересмотрены. Не зря та же Gopal Times, завершая комментарий с критикой внешнеэкономической политики Индии, констатировала, что «Китай и Индия скорее должны быть друзьями, чем противниками».

### Тибетская и другие двусторонние проблемы

Для последних 60 лет китайско-индийских отношений традиционной стала и так называемая *тибетская проблема*. Во многом она коренится в событиях в Тибете в первые годы существования КНР, в том числе, когда в 1959 г., далай-лама IV покинул Лхасу и вместе с группой своих сторонников переселился в индийский город Дхарамсала. С тех пор сам факт нахождения далай-ламы на индийской территории вызывает неприятие у Пекина, который связывает такое пребывание с «поддержкой тибетского сепаратизма».

Как известно, Индия в первые годы своей независимости традиционно пыталась рассматривать Тибет как государственное образование с высокой степенью самостоя-

---

24. India-China Bilateral Relations./Website of Ministry of External Affairs (India)- URL: [http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china\\_brief\\_sep\\_2019.pdf](http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf). (date of access 12.07.2020).

25. Hopefully US 'political virus' won't infect India 2020/5/25/Website of The Global Times (China).- URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1189406.shtml> (date of access 12.07.2020).

26. Indian companies should seek cooperative development rather than trying to replace Chinese firms 2020/4/28/Website of The Global Times (China).- URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1187061.shtml> (date of access 12.07.2020).

27. С. Строкань. Индийский слон против китайского дракона/Сайт газеты «Коммерсант», 07.07.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4406417> (дата обращения: 08.07.2020).

тельности, исторически служившее буферной зоной между Индией и Китаем. Однако достаточно скоро, в том числе с учетом подписанного в мае 1951 г. Соглашения между Тибетом и КНР, руководство страны пошло, так или иначе, на признание Тибета в качестве «автономной» части КНР. Об этом уже своим названием свидетельствовал один из первых двусторонних документов — Соглашение о торговле и контактах между Тибетским районом Китая и Индией, подписанное в ноябре 1954 г.

И хотя в Индии и в наши дни нередко говорят о том, что Нью-Дели тогда «излишне доверился» китайским обещаниям сохранить «истинную автономию Тибета» и, в частности, «неосмотрительно» свернул там свои военные посты, а немалую гражданскую инфраструктуру «передал правительству КНР»<sup>28</sup>, на официальном политическом уровне вопрос считается давно решенным. Причем в известном Совместном коммюнике от декабря 1988 г. индийская сторона не только вновь подчеркнула признание Тибета в качестве автономного района Китая, но и указала, что «антикитайская политическая деятельность тибетских элементов на индийской земле является недопустимой». Тем не менее, тибетская проблема, которая по версии Пекина формально заключается в антикитайской деятельности опирающихся на поддержку далай-ламы тибетских беженцев, является болезненной точкой двусторонних отношений.

В последние годы проблема особенно обостряется в случаях посещения далай-ламой районов, принадлежность которых Индии оспаривается китайской стороной. Прежде всего, речь идет о штате Аруначал-Прадеш, куда далай-лама XIV неоднократно, в том числе в апреле 2017 г., приезжал для посещения особо почитаемого среди буддистов монастыря Таванг<sup>29</sup>.

Одноименный округ находится непосредственно близ ЛФК (здесь ее чаще называют «линией Макмагона»). Но более всего он известен как священное место рождения далай-ламы VI, а значит как потенциальная «колыбель» следующей реинкарнации. В Китае такую вероятность, важную и с религиозной, и с политической точки зрения, конечно, учитывают. Поэтому события в этом районе, как и вопрос о его принадлежности, воспринимаются Пекином с повышенной болезненностью.

При этом очевидно, что в ситуации вокруг штата Аруначал-Прадеш и Таванга «тибетский вопрос», трактуемый в более широком контексте, с особой четкостью накладывается на «территориальную проблему».

Дело в том, что позиция Нью-Дели на всех пограничных переговорах с КНР основывается на документах, подписанных в свое время между колониальными властями Индии и формально независимым правительством Тибета. И, как считают в Индии, именно окончательное вхождение Тибета в состав КНР и последующее «непризнание» Пекином всех ранее имевшихся договоров, включая Симлское соглашение 1914 г., «породили» и пограничную проблему. «Китай никогда не имел иной границы с Индией, кроме как «через Тибет», а индийская граница с Тибетом — это полностью оформленная граница», — подчеркивают сегодня индийские эксперты<sup>30</sup>.

28. LL Mehrotra/ India's Tibet Policy. New Delhi, 2000. pp. 12–15/ «The Tibetnet» Website/ URL: <https://tibet.net/wp-content/uploads/2017/05/Inidas-Tibet-Policy.pdf> (date of access 12.07.2020).

29. О первом дне учений Его Святейшества Далай-ламы в Таванге. 13.04.2017 / Веб-сайт «Буддист.ру». URL: <https://buddhist.ru/buddhist-news/site/7976-o-pervom-dne-ychenii-ego-sviat> (дата обращения: 08.04.2020).

30. LL Mehrotra/ India's Tibet Policy. New Delhi, 2000. p. 19/ «Tibetnet» Website/ URL: <https://tibet.net/wp-content/uploads/2017/05/Inidas-Tibet-Policy.pdf> (date of access 12.07.2020).

В КНР не согласны с таким подходом. В частности отвергают принятую в Симле «линию Макмагона», которая включила территорию нынешнего штата Аруначал-Прадеш и Таванг в состав Британской Индии.

Кроме перечисленных в двусторонней повестке отношений КНР и Индии периодически дают о себе знать и другие проблемы. Это, например, вопрос водопользования на пограничных реках. Прежде всего, речь идет о реке Брахмапутра, называемой в Китае Ялунцзян (Ялунцангпо). Индия обеспокоена потенциальными паводковыми и иными рисками в протянувшемся по ее территории речном низовье, которые связаны с планами строительства выше по течению китайских ГЭС. Китайская сторона называет опасения беспочвенными.

Не является также секретом, что, несмотря на достаточно высокий уровень контактов по военной линии, стороны продолжают внимательно следить за размерами оборонных бюджетов друг друга, а СМИ обеих стран даже в свободные от обострения пограничного вопроса периоды часто не удерживаются от алармистских комментариев по поводу внутреннего «военного строительства в соседней стране».

### **Внешняя среда: противоречивые векторы**

В группе внешних факторов, влияющих на отношения Пекина и Нью-Дели, как и в двусторонней повестке, также действуют неоднозначные векторы.

Безусловным свидетельством позитивных тенденций являются не только декларации о необходимости тесного взаимодействия на международной арене, но и реальные действия в этом направлении. Самым показательным их примером служит параллельное участие в таких структурах, как БРИКС, ШОС, формат Россия—Индия—Китай (РИК), ряд «дорожек» диалога под эгидой АСЕАН. Конечно сам факт совместной работы в перечисленных форматах вовсе не означает, что Индия и Китай не имеют различий в подходах. Но ряд принципиальных позиций носят сходный характер. Прежде всего речь идет о вопросах глобального мироустройства, которое видится в обеих странах в целом как многополярное, не приемлющее одностороннего доминирования, основанное на коллективном способе управления при центральной роли ООН. И в Пекине, и в Дели говорят о необходимости мирного урегулирования в горячих точках, «решительной борьбы» против международного терроризма, противодействия изменениям климата, о ряде других крупных вопросов. Есть и примеры сотрудничества по многосторонним экономическим проектам, например в энергетике, о чем еще в начале 2000-х годов сообщали мировые СМИ.

В то же время перечень разногласий выглядит ничуть не меньше. Пунктом традиционных противоречий являются вопросы, связанные с заявками Индии на повышение своего статуса в ООН до уровня Постоянного члена Совета Безопасности, а также на участие в Группе ядерных поставщиков (ГЯП). В обоих случаях позиция КНР колеблется от уклончивости до откровенного неприятия. Есть выраженные особенности в подходах к определению тех же источников международного терроризма и глобальных климатических проблем. Особенно высок уровень конкуренции на региональном уровне, прежде всего, в контексте попыток обеих стран расширить и укрепить свои интересы в континентальной и морской зонах Индийского океана и в меньшей степени в странах ЮВА.

Новым проблемным пунктом в последние годы стала тема китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая встретила откровенное неприятие в Индии. Видимой и главной причиной стало официальное включение в план базовой инфраструктуры ОПОП отдельного субпроекта, связанного с построением «Экономического коридора Китай—Пакистан» (ЭККП). ЭККП проходит через «оккупированную», по версии Индии, северную часть Кашмира. Ничего, кроме резкого раздражения, это вызывать в Нью-Дели не может.

При этом не будет преувеличением заметить, что серьезная часть китайско-индийских разногласий по международной повестке объективно группируется вокруг нескольких «страновых факторов». Имеется в виду, что отношения КНР и Индии испытывают прямое влияние взаимодействия каждой из них с третьими глобальными и региональными игроками. Причем в ряду последних наблюдатели чаще всего говорят о США и их крупных союзниках в АТР, а также о Пакистане и России.

### Американский фактор

Именно термином «фактор США» принято определять важную особенность в треугольной экспертной конфигурации «Китай—Индия—США», где «американский угол» весьма существенно сказывается на китайско-индийской линии, явно умножая их проблемную составляющую. На уровне практической политики это находит выражение в том, что Пекин с серьезным подозрением относится к целям активно развивающихся в текущем веке отношений Нью-Дели и Вашингтона.

Пытаясь рассуждать объективно, трудно не признать, что для обеспокоенности у Китая есть основания. Речь идет, прежде всего о намерениях Вашингтона. Они давно не являются секретом и стали еще более очевидными в годы президентства Б. Обамы, когда практически не скрывалось, что объявленный «возврат» США в Азию мотивирован «обеспокоенностью» Америки ростом и усилением КНР. Стремление всеми способами «сдержать» Китай обрело полную откровенность после прихода в Белый дом Д. Трампа. Поэтому поступательный рост индийско-американских связей — только за первые три года пребывания у власти Н. Модии 5 раз посетил США — в Пекине рассматривают именно в этом контексте. Не случайно на фоне нового обострения отношений с США, объявившими КНР «виновной за пандемию коронавируса», Пекин через каналы официальной печати счел необходимым предостеречь Индию от заражения исходящим из США антикитайским «политическим вирусом» и «использования связей с США для сбора больших козырей в отношениях с Китаем»<sup>31</sup>.

Повышенное внимание привлекают при этом растущие в последние годы индийско-американские связи в оборонной сфере

Уже в одном из первых документов на эту тему (появившийся в 2003 г. совместный доклад Индийско-американские военные отношения: перспективы и оценки) прямо говорилось о целях США по «доступу к индийским военным базам и инфраструктуре в центре Азии и на важнейших морских коммуникациях». «Нам нужен друг, который сможет оказать военную помощь для устранения китайской угрозы», — приводилось в докладе мнение высокопоставленного адмирала ВМФ США<sup>32</sup>. В последующие годы эта линия активно реализовывалась. К 2016 г. Индия обрела статус «главного оборонного партнера США», который спустя три года был повышен уже до статуса «Партнер блока НАТО». А годом позже, взамен прежнего термина АТР, США активизировали концепцию Индо-Тихоокеанского региона (Indo-Pacific), в том числе переименовали в «Индо-Тихоокеанское» прежнее «Тихоокеанское военное командование США». По мнению многих экспертов, это, помимо прочего, стало явным жестом в сторону поощрения более активной индийской роли, «балансирующей Китай». Так, в опубликованной 1 июня 2019 г. Пентагоном Стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, вновь подчеркивалось значение

31. India could suffer from speculative attitude amid China-US conflict. 19.05. 2020/Website of The Global Times (China). URL: <http://https://www.globaltimes.cn/content/1188872.shtml> (date of access 12.07.2020).

32. Военное сотрудничество США и Индии/ Образовательный портал Studbooks/ URL: [https://studbooks.net/2211600/ekonomika/voennoe\\_sotrudnichestvo\\_indii](https://studbooks.net/2211600/ekonomika/voennoe_sotrudnichestvo_indii) (дата обращения: 08.04.2020).

для США «широкого стратегического сотрудничества с Индией», а предварял данный тезис целый раздел документа, где акцентированно говорилось о том «напоре», который Индо-Тихоокеанский регион испытывает со стороны КНР, «подрывающей международную систему»<sup>33</sup>.

Другим примером такого рода служит поощрение (если не прямое подталкивание) Индии к участию в различного рода региональных структурах под своей эгидой («Трехсторонний диалог по безопасности США—Япония—Индия», «Четырехсторонний стратегический диалог» или QUAD, где к названной тройке присоединяется Австралия).

Показательно, как в Вашингтоне (США обычно нейтральны в территориальных спорах третьих стран) в июне 2020 г. прореагировали на столкновение в Ладакхе. Вскоре после инцидента госсекретарь М. Помпео не только четко возложил вину на Китай, но и заявил, что места планируемой передислокации зарубежных военных контингентов США будут определяться с учетом «угроз и провокаций», которые компартия Китая и его вооруженные силы несут, в частности Индии, странам Южно-Китайского моря. «Мы позаботимся, чтобы размещение наших сил должным образом соответствовало задаче противодействия Народно-освободительной армии КНР», — добавил глава американской дипломатии<sup>34</sup>.

В свою очередь Нью-Дели, имея свои резоны, не скрывает цели путем отношений с США «создать приемлемый для Индии баланс региональных сил». В Совместной декларации по итогам визита (январь 2020 г.) в Индию Д. Трампа эта цель облечается в формулу «тесного партнерства, имеющего ключевое значение для свободного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона»<sup>35</sup>. По более откровенной версии индийского экспертного сообщества, поддержание такого «баланса» и «сходство интересов с США» касается в первую очередь «отношений с Китаем», в частности озабоченностей, связанных «с китайским присутствием в островных государствах и стратегических портах, таких как Гвадар и Джибути»<sup>36</sup>.

Исходя из собственных представлений о безопасности и задачи «сдерживать растущего и малопредсказуемого северного соседа», Индия, похоже, не отвергает и «многосторонние альянсы» по типу QUAD, хотя ведет себя в них весьма осторожно, отказавшись, к примеру, от американского предложения о совместном военно-морском патрулировании в ЮКМ.

Вместе с тем очевидно, что в итоге в треугольнике «Индия—Китай—США» Нью-Дели нацелен на прагматичное маневрирование. Деликатность подходов Индии отметил недавно видный отставной индийский дипломат Канвал Сибал: «У Индии есть свои собственные опасения по поводу враждебной политики Китая. Но при этом она не может безоговорочно «держаться за руку США», поскольку самостоятельно взаимодей-

---

33. THE DEPARTMENT OF DEFENSE Indo-Pacific Strategy Report./US Department of Defence Website. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (date of access 12.07.2020).

34. MICHAEL R. POMPEO. A new Transatlantic Dialogue. Speech. German Marshall Fund's Brussels Forum. June 25 2020/ Website of US Department of State. URL: <https://www.state.gov/a-new-transatlantic-dialogue/> (date of access 12.07.2020).

35. Joint Sstatement: Vision and Principles for United States-India comprehensive global strategic partnership/ 25.02.2020/ US President Administration Website. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-vision-principles-united-states-india-comprehensive-global-strategic-partnership/> (date of access 12.04.2020).

36. Sujan R. Chinoy. Indo-US Defence Partnership: Future Prospects/ Institute for Defence Studies and Strategic Analyses (India) Website. URL: <https://idsa.in/idsacomments/indo-us-defence-partnership-srchinoy-260620> (date of access 12.07.2020).

ствуется с Китаем и имеет с ним сходство интересов: например, по вопросам глобального управления, где Индия имеет разногласия с Западом»<sup>37</sup>.

Однако в любом случае «американский фактор» остается серьезным раздражителем для Пекина, что в целом, конечно, не способствует укреплению китайско-индийского диалога.

## Фактор Пакистана

Не меньшим поводом для разногласий, но на этот раз с выраженным беспокойством с индийской стороны, является «фактор Пакистана». Речь идет о давней «всепогодной дружбе» Пекина и Исламабада, которая, по мнению Нью-Дели, содержит серьезные риски для индийских интересов, поскольку индийско-пакистанские отношения носят на редкость нестабильный, если не сказать, порой, — откровенно враждебный — характер.

Еще на заре независимой Индии, когда в китайско-индийских отношениях только начала формироваться территориальная, тибетская и иные проблемы, Дж. Неру подчеркивал, что «Пакистан не имеет ничего общего ни с Китаем, ни с Тибетом, однако захочет воспользоваться ухудшением индийско-китайских отношений в своих интересах»<sup>38</sup>. Позже такая оценка в Индии лишь укрепилась, и китайско-пакистанские военно-политические связи, включившие, по мнению Индии, и передачу Исламабаду китайских военно-ядерных технологий, на десятилетия стали одной из наиболее серьезных и перманентных причин для беспокойств в Нью-Дели.

Примеров завязанности «фактора Пакистана» на системную для отношений Китая и Индии пограничную проблему и на другие вопросы их двусторонней повестки насчитывается немало. В числе первых речь идет о китайско-пакистанском пограничном соглашении 1963 г., по которому КНР отошли порядка 7 тыс. кв. км (Транс-Каракорумский тракт) в Кашмире, всю территорию которого Индия считает своей. В Индии вряд ли забыли, что именно после подписания данного соглашения премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заверил Пакистан, что впредь «будет защищать его по всему миру»<sup>39</sup>. К этой же теме относится сюжет упомянутого экономического коридора «Китай—Пакистан», который также проходит через оспариваемые Нью-Дели и Исламабадом территории Кашмира (Гилгит-Балтистан).

Кроме того, Индия, постоянно испытывающая тяжелые последствия губительных террористических актов, не раз обвиняла Пакистан в бездействии в отношении находящихся на его территории баз террористов и даже в прямом поощрении их враждебной антииндийской активности. Понятно, что политика Китая, который, по оценке Индии, не только «уходит» от критики Пакистана, но и молчаливо поддерживает его подходы к вопросам терроризма, вызывает у Индии недовольство, более того, подталкивает ее к выводам, что в Пекине сознательно сохраняют эту разновидность «рычага» давления на Индию. Примером таких разногласий в последнее время служил вопрос о внесении в международные криминальные списки лидера исламистской группировки «Джаиш-е-Мухаммад» Масуда Азхара, который укрывается в Пакистане и, в частности, взял на себя ответственность за теракт с большим числом жертв 14 февраля 2014 г. в штате Джамму и Кашмир. Китай не один год был единственной страной в Совбезе ООН которая последо-

37. Amb. Kanwal Sibal. The India-U.S. Defense Relationship/EastWest Institute (NGO) Website. URL: <https://www.eastwest.ngo/idea/india-us-defense-relationship> (date of access 22.07.2020).

38. Цит. по: Китайский синдром в политике Индии. 09.08.2009/Вебсайт ИндоНет. URL: <https://indonet.ru/article/kitaiskii-sindrom-vo> (дата обращения: 08.04.2020).

39. Why did Pakistan give the Shaksgam Valley to China? What was India's reaction?/ "Quora" Website (India). URL: <https://www.quora.com/Why-did-Pakistan-give-the-Shaksgam-Valley-to-China-What-was-Indias-reaction> (date of access 22.07.2020).

вательно блокировала включение Масуда Азхара в упомянутые списки, и лишь весной 2019 г. снял свое «вето»<sup>40</sup>.

Продолжает заботить Индию сотрудничество Китая и Пакистана в сфере обороны и ВТС. Так, летом 2018 г. индийские эксперты весьма внимательно наблюдали за визитом в КНР министра обороны Пакистана К.Д. Баджвы, когда стороны обсуждали уже не только поставки готовых партий оружия, но и вопросы совместного, в том числе лицензионного производства (многофункциональный истребитель-бомбардировщик, различные модификации ракет и т.п.)<sup>41</sup>. Подсчитано, что в 2014–2018 гг. на долю Пакистана пришлось 35% всех зарубежных оружейных поставок КНР<sup>42</sup>. В контексте визита неоднократно звучали также китайско-пакистанские планы по охране экономического коридора Китай—Пакистан (ЭККП) от террористической опасности, что практически неизбежно влечет за собой появление китайских военных на спорных территориях на севере Кашмира.

Кроме этого в последнее время в Индии с тревогой говорят о неафишируемой пакистано-китайской договоренности, касающейся строительства западнее Гвадара (район Дживани) китайской военной базы, обладающей, как и в Джибути, морской и сухопутной инфраструктурой<sup>43</sup>.

Китай традиционно расценивает перечисленные озабоченности Индии, в том числе по базе в Дживани, как «беспочвенные»<sup>44</sup>. Что касается ЭККП и линии его прохождения через Гималаи, то, похоже, Китай отвергает здесь индийские претензии в принципе.

В то же время Китай откровенно поддержал Пакистан в его «серьезных озабоченностях» в связи с тем, что в августе 2019 г. Индия упразднила штат Джамму и Кашмир и создала на его основе две союзные территории — Джамму и Кашмир и Ладакх. Заодно Пекин вновь напомнил тогда о своих взглядах на китайско-индийскую границу в Кашмире, что лишь усилило негативную роль «фактора Пакистана» в отношениях КНР и Индии<sup>45</sup>.

## Роль и интересы России

«Российский фактор» также проявляется в китайско-индийских отношениях, хотя его векторная направленность зачастую иная.

---

40. Очень большая двойка. Индо-китайское партнерство как альтернатива Pax Americana и Pax Sinica // Коммерсантъ. 18.04.2020 (дата обращения: 19.04.2020).

41. China to boost military cooperation with Pakistan: Report/Jul 12, 2018/ The Economic Times Website/ URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-to-authorise-pakistan-to-build-missiles-tanks-fc-1-xiaolong-combat-aircraft/articleshow/57684105.cms> (date of access 22.07.2020).

42. Round Table Discussion on 'China's Policy Towards South Asia: Implications for India. 16.07.2019./ Institute for Defence Studies and ategic Analyses (India) Website/ URL: <https://idsa.in/event/rt-chinas-policy-towards-south-asia-120719> (date of access 22.07.2020).

43. First Djibouti... now Pakistan port earmarked for a Chinese overseas naval base, sources say./ The South China Morning Post Website. 05.01.2018/. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2127040/first-djibouti-now-pakistan-port-earmarked-chinese> (date of access 22.07.2020).

44. By Rajeswari Pillai Rajagopalan for The Diplomat A New China Military Base in Pakistan?/ The Diplomat February 09, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/02/a-new-china-military-base-in-pakistan/> (date of access 22.07.2020).

45. Article 370: China says opposed to Ladakh as Union Territory/ The India Today Website. 06.08.2019/ URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-reaction-jammu-kashmir-article-370-1577915-2019-08-06> (date of access 22.07.2020).

Начнем с того, что в 1980-е — 1990-е годы как минимум три важных политических процесса, связанных с ролью Москвы, повлекли за собой достаточно очевидные последствия и для китайско-индийской линии. Это, во-первых, нормализация советско-китайских отношений в 1989 г., во-вторых, последующий распад СССР, но продолжившееся развитие отношений между КНР и новой Россией, и наконец, временное (но на деле имевшее место) ослабление в 1990-е годы внимания Москвы к еще недавно весьма тесным связям с Нью-Дели.

Все это предопределило усиление заинтересованности Индии в нормализации отношений с КНР, что и произошло в конце 1988 г. в ходе визита в Китай Р. Ганди. Как теперь очевидно, и «пекинский взгляд» на отношения с Нью-Дели оказался тогда весьма позитивным, допускавшим параллельное развитие отношений КНР и с РФ, и с Индией.

На рубеже веков экспертная конфигурация «Москва—Пекин—Нью-Дели» стала обретать достаточно необычный характер. Это было связано с усилиями Москвы по постепенному продвижению инициативы Е.М. Примакова, высказавшегося за создание структуры трехстороннего стратегического взаимодействия, известной сегодня как формат Россия—Индия—Китай (РИК). В результате виртуальный политологический треугольник с участием КНР, Индии и России обрел черты реально функционирующей международной структуры<sup>46</sup>. Диалоговый формат РИК, официально возникнув в 2002 г. в виде первой трехсторонней встречи министров иностранных дел (к сегодняшнему дню таких встреч состоялось 17), уже вскоре дал толчок возникновению (2006 г.) вначале «четверки», а затем «пятерки» стран, входящих объединение БРИК/БРИКС. Параллельно, как государство-наблюдатель, Индия присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где основателями и главными действующими лицами изначально выступали РФ и КНР, а в 2017 г. вступила в ШОС уже в качестве полноформатного участника. Такое усиление взаимодействия в многосторонних форматах, во многом инициированных Россией, не могло не сказываться и на общем комплексе китайско-индийских отношений, которые, помимо прочего, обрели несколько дополнительных площадок для обсуждения двусторонних вопросов. Роль России, неформально востребованная, в частности через формат РИК, уже не в первый раз оказалась нелишней и в связи с китайско-индийской пограничной напряженностью мая—июля 2020. Состоявшаяся 23 июня 2020 г. по инициативе С.В. Лаврова видеоконференция министров иностранных дел стран РИК, не касаясь двусторонней повестки, стала свидетельством настроя Дели и Пекина продолжать работать вместе, невзирая на возросший градус проблем. Российская сторона, подчеркивая, что вопрос о границе является сугубо двусторонним, неизменно выступает за высокий уровень отношений между КНР и Индией, поскольку обе страны входят в число ее главных стратегических партнеров.

Разумеется, роль России не может представляться столь простой и однозначно позитивной «всегда и для всех». Очевидно, что и в Пекине, и в Нью-Дели достаточно внимательно наблюдают за диалогом друг друга с Москвой. Так, в КНР ранее не раз высказывалось мнение о том, что в сфере военно-технического сотрудничества РФ «отдает большее предпочтение Индии», поставляя ей те виды вооружений, в «которых отказывает Китаю». Сейчас такие оценки слышатся реже, что понятно: те же ЗРК С-400 «Триумф» Россия поставила в КНР уже к началу 2020 г., когда поставки данных систем в Индию еще находились в стадии реализации. Однако стоило Индии (вскоре после событий в Ладакхе) обратиться к РФ с просьбой ускорить поставки «Триумфов», а заодно и 33 российских истребителей, как это вновь вызвало достаточно очевидное «беспокойство»

46. Подр. см.: Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах многополярного мира. М., 2019. С. 102–138.

в КНР. В свою очередь, в Индии с неменьшим вниманием стремятся «не пропустить» каких-либо важных для себя перемен в российско-китайских отношениях.

Такое развитие событий вряд ли можно считать необычным для общей внешнеполитической практики. Равным образом оно вряд ли способно негативно сказаться на не идеальном, но достаточно высоком уровне нынешнего стратегического взаимодействия, существующего у Москвы с Пекином и Нью-Дели. Очевидно, что для России важно сохранить этот уровень, сделать так, чтобы российско-китайская и российско-индийская стороны «треугольника» РИК развивались одинаково надежно и продуктивно. А этому может способствовать поддержание конструктивного стратегического диалога между КНР и Индией, дальнейшее развитие взаимодействия в РИК, БРИКС и ШОС, что одновременно снижало бы перспективу критического дрейфа Индии в сторону США.

### Перспективы конструктивного диалога

Сложная картина современных китайско-индийских отношений делает трудными попытки прогнозов и выводов. Очевидные достижения соседствуют со многими проблемами, а порой нивелируются ими.

На протяжении многих лет в разговорах с китайскими и индийскими экспертами не раз звучал вопрос: что является главной проблемой? Версии ответов бывали разные. Назывались тибетская проблема, погранично-территориальный вопрос. Но наибольшие раздумья вызвал в свое время ответ, состоявший из одного слова — «доверие».

Действительно, системной проблемой, уходящей корнями в прошлое, как минимум, к событиям пограничной войны 1962 г., видится дефицит взаимодействия — как стратегического, так и на бытовом уровне. А главным горячим материалом для такой ситуации служит реальная геополитическая и геоэкономическая конкуренция. Исторически она может быть связана с самим статусом двух крупных соседних стран — государств-цивилизаций, которые до начала XIX в. представляли половину мировой экономики, находятся ныне на траектории нового и совпавшего по времени подъема, а потому «обречены» в известном смысле на естественное соперничество.

Сегодня такая конкуренция чаще всего проявляется в Азии и в зоне Индийского океана. Индия давно говорит о китайской стратегии «жемчужного ожерелья» — создании в Мьянме, Непале, Шри-Ланке, на Мальдивах, в странах Восточной Африки сети опорных баз с целью «сдерживания Индии» и утверждения собственного доминирования<sup>47</sup>. КНР, отвергая любые упреки в стремлении к гегемонии, напротив, практически в том же самом обвиняет Индию, в частности не признает индийский тезис о «естественных предпочтениях Индии в зоне Индийского океана». Соперничество за энергетические, политические и другие ресурсы имеет место в ряде других стран и районов (Центральная Азия, Иран, Афганистан).

Дефицит доверия и конкуренция — эти связанные между собой базовые категории служат фундаментом препятствий, которые лежат на пути решения пограничной, тибетской и других двусторонних проблем. А последние, обостряясь в своего рода «реверсном режиме», лишь подпитывают недостаток взаимодействия.

Какими могут быть прогнозы на ближайшее будущее?

На фоне пограничного кризиса в 2020 г. в Ладакхе в ряде экспертных, в том числе западных, комментариев рассматривались риски крупной китайско-индийской войны,

---

47. *Prabhash K Dutta*. Can China really encircle India with its String of Pearls? The great game of Asia / India Times Official Website, June 15, 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-encircle-india-string-of-pearls-982930-2017-06-15> (date of access 22.07.2020).

которая в силу ядерного статуса обеих держав могла бы выйти не только за двусторонние, но и региональные рамки<sup>48</sup>.

Думается, что такой теоретически не исключаемый сценарий, не только разрушительный для обеих сторон, но и несущий серьезные риски для многих стран, включая Россию, все же маловероятен. «Большая война» не нужна ни Китаю, ни Индии. Собственно об этом, несмотря на людские потери, свидетельствовала и достаточно сдержанная официальная реакция из обеих столиц, лейтмотивом которой стала задача «скорейшего поиска урегулирования и недопущения подобных инцидентов в будущем»<sup>49</sup>.

Умозрительно возможен другой вариант. В соответствии с ним стороны, в хорошем смысле «напуганные» ситуацией на грани крупной войны, «срочно форсируют решение долговременных проблем», включая погранично-территориальный вопрос. Ликвидируется почва для базовых разногласий, создаются условия для укрепления взаимодоверия, на деле реализуется не раз декларируемый тезис, что «в мире достаточно пространства для одновременного роста и Индии, и Китая»<sup>50</sup>. Наверное, с точки зрения модальности представлений о принципах международных отношений, такое развитие событий было бы наиболее предпочтительным. Однако, с учетом груза застарелых проблем, внутренней реакции на них в Китае и, особенно, в Индии (здесь не забыт синдром поражения в войне 1962 г.), такой сценарий был бы излишне оптимистичным и также не слишком вероятным.

Не самым плохим и, думается, реалистичным сценарием было бы дальнейшее развитие алгоритма, который в целом сопровождал отношения двух стран в текущем столетии. Речь идет о параллельном продвижении позитивной (сотрудничество) и объективно негативной (разногласия и столкновения) тенденций, но при главном условии — *преобладании тенденции партнерства и взаимодействия*. Как показывает практика, именно позитивные накопления, в том числе созданные переговорные механизмы, в последние десятилетия не только позволяли развивать сотрудничество, но и, при обострении разногласий не раз удерживали стороны от «перехода красных линий». Так, собственно, происходило и в 2020 г., когда в опоре на подобные институциональные рычаги стороны подходили к урегулированию очередного кризиса на границе.

Надежду на жизнеспособность последнего сценария дают встречные официальные декларации. Даже сделанные в не лучший момент, они указывали на необходимость продолжения мирного диалога. Глава дипломатии КНР в телефонном разговоре со своим индийским коллегой 17 июня 2020 г. подчеркнул: «Взаимное уважение и взаимная поддержка отвечают долгосрочным интересам Китая и Индии»<sup>51</sup>. А неделей позже в пресс-релизе индийского МИД отмечалось, что скорейшее урегулирование в пограничных районах будет способствовать и «более широким отношениям между двумя странами»<sup>52</sup>.

48. There are growing fears military clashes along the India-China border could spark a nuclear World War 3./ The Sun Official Website/ June 18, 2020. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11893725/nuclear-world-war-3-india-and-china/> (date of access 22.07.2020).

49. Эксперты прокомментировали инцидент на границе Китая и Индии/Сайт агентства «Россия сегодня», 16.06.2020. URL: <https://ria.ru/20200616/1573010031.html> (дата обращения: 28.06.2020).

50. Wen says world big enough for India and China growth/Reuters Official Website, December 15, 2010. URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-china-idUSTRE6BE1BM20101215> (date of access 22.04.2020).

51. Ван И тун инду вайчжан Судзешэн тун дяньюа: [Ван И провел переговоры с министром иностранных дел Индии С. Джайшанкар] // Синьхуа. 17.06.2020. URL: [http://www.xinhuanet.com/2020-06/17/c\\_1126127034.htm](http://www.xinhuanet.com/2020-06/17/c_1126127034.htm) (дата обращения: 08.07.2020).

52. 15th Meeting of the Working Mechanism for Consultation & Coordination on India-China Border Affairs./ Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of India/ June 24, 2020. URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32785/>

Позитивные оценки высказаны и экспертами, которые, в частности, полагают, что Индия «не поддержит шаги США по обвинению КНР в распространении коронавируса». Умиротворяющую роль должны сыграть также общие интересы, контакты в форматах ШОС, БРИКС, РИК: обе стороны продолжают видеть их весьма важными в своей политике.

Есть основания рассчитывать, что именно такой путь будет, как и прежде, превалировать в непростых отношениях КНР и Индии, которые в 2005 г. обрели статус стратегических. А мирный и конструктивный диалог между двумя азиатскими гигантами еще сослужит службу интересам глобального и регионального мира, в том числе делу продуктивного взаимодействия Китая и Индии с Российской Федерацией.

### Литература

- С. Строкань.* Индийский слон против китайского дракона/Сайт газеты «Коммерсант», 07.07. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4406417> (дата обращения: 08.07.2020).
- Уянаев С.* 30 лет китайско-индийской нормализации: возврат «на перекресток» или верность сотрудничеству и добрососедству? / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23.
- Уянаев С.* Россия—Китай—Индия: в контурах многополярного миропорядка. М.: Форум, 2019.
- Уянаев С.В.* Китай и Индия: отношения в начале нового столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1.
- Prabhash K Dutta.* Can China really encircle India with its String of Pearls? The great game of Asia /India Times Official Website, June 15, 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-encircle-india-string-of-pearls-982930-2017-06-15> (date of access 22.07.2020).
- Sujan R.* Chinoy.Indo-US Defence Partnership: Future Prospects/ Institute for Defence Studies and ategic Analyses (India) Website. URL: <https://idsa.in/idsacomments/indo-us-defence-partnership-srchinoy-260620> (date of access 12.07.2020).

### References

- S. Strokan`.* Indijskij slon protiv kitajskogo drakona/Sajt gazety` «Kommersant», 07.07. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4406417> (data obrashheniya: 08.07.2020).
- Uyanaev S.* 30 let kitajsko-indijskoj normalizacii: vozvrat «na perekrestok» ili vernost` sotrudnichestvu i dobrososedstvu? / Kitaj v mirovoj i regional`noj politike. Istoriya i sovremennost`. 2018. T. 23. № 23.
- Uyanaev S.* Rossiya—Kitaj—Indiya: v konturax mnogopolyarnogo miroporyadka. M.: Forum, 2019.
- Uyanaev S.V.* Kitaj i Indiya: otnosheniya v nachale novogo stoletiya // Problemy` Dal`nego Vostoka. 2009. № 1.
- Prabhash K Dutta.* Can China really encircle India with its String of Pearls? The great game of Asia /India Times Official Website, June 15, 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-encircle-india-string-of-pearls-982930-2017-06-15> (date of access 22.07.2020).
- Sujan R.* Chinoy.Indo-US Defence Partnership: Future Prospects/ Institute for Defence Studies and ategic Analyses (India) Website. URL: <https://idsa.in/idsacomments/indo-us-defence-partnership-srchinoy-260620> (date of access 12.07.2020).